

ЧИСТОВ ЕГОР

КОЛОДЕЦ

16+

Егор Чистов

Колодец

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чистов Е. М.

Колодец / Е. М. Чистов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Герой повести уезжает в глушь, чтобы избавиться от городской суеты, но вместо этого он находит то, что навсегда лишит его сна и покоя.

Все началось после того, как я приобрел несколько акров земли в удаленном от городов месте, близ разрушенного моста через реку Уэмпул на северо-западе графства Камбрия. В тот момент я страстно желал отдалиться от людей и ощутить наконец радость полного одиночества. После довольно длительного пребывания в многолюдном и тошнотворно шумном Лондоне сам вид человека был мне омерзителен.

Объявление о продаже земли попало мне на глаза совершенно случайно. Я давно обдумывал план переезда в подобное место, поэтому не мешкая отозвался на предложение. Сделка была совершена через доверенное лицо, так как сам хозяин участка был в отъезде. За дом просили смехотворную цену. Причиной тому было его расположение. Он фактически находился в заброшенном районе, до него было тяжело добраться не только на транспорте, но и пешком, что создавало известные трудности с обеспечением. Мои ближайшие родственники проживали в Сомерсете и не поддерживали со мной связь уже несколько лет, а знакомства я заводил крайне неохотно, поэтому не было оснований полагать, что кто-либо будет искать меня после отъезда.

Я собрал вещи, которые уместились в два небольших чемодана, и 15 августа отправился одиннадцатичасовым поездом с вокзала Виктория. Мне предстоял неблизкий путь с пересадкой в Колдоне. Я выбрал место по правому краю у окна и глубоко задумался, наблюдая за открывающимися пейзажами. Вскоре после отбытия по стеклу застучали крупные капли дождя, через потоки которых мир виделся таким же неясным и размытым, как и мои мысли в тот момент. Пару раз я засыпал под монотонный шум поезда, но неясное ощущение тревоги не позволило мне по-настоящему отдохнуть. Место рядом со мной до самого конца пути оставалось пустым – по всей видимости, что-то в моем внешнем виде или взгляде отталкивало остальных пассажиров. Впрочем, я был этому даже рад.

После пересадки мне предстояло преодолеть еще около ста миль. К тому времени я порядком устал от ожидания и последние пол часа провел на ногах ежеминутно поглядывая на часы. Уже в самом конце пути произошел примечательный инцидент, который несколько скрасил мое ожидание.

Поезд проезжал через небольшой промышленный город. Серый дым валил из труб, сначала поднимаясь высоко в воздух, а затем опускаясь над немногочисленными жилыми домами, заволакивая их плотной завесой. Мы находились на некотором возвышении, поэтому я мог видеть, что происходит за оградами заводов и фабрик. Едва различимые фигуры людей, словно муравьи, суетились, тащили, толкали, бежали, кричали. Я заметил, как на одной из территорий, огороженной кирпичным забором с рядами колючей проволоки, происходила настоящая паника. Люди разбежались в разные стороны от высокой металлической конструкции, установленной возле одного из складских помещений. В следующую секунду башня начала заваливаться. Одна из перекладин в середине переломилась и две половины конструкции начали падать в разные стороны: верхняя обрушилась на склад сокрушительной силой, проломив крышу и разрушив две смежные стены, нижняя завалилась на открытое пространство. Повсюду были разбросаны остатки башни и кирпичная кладка. Небольшое облако кирпичной крошки быстро оседало. Насколько я мог видеть, никто из рабочих не пострадал. Пассажиры припнули к окнам, но поезд уже оставлял город позади.

Я сошел с поезда в городке Бэкуотер. Вокзал выглядел неприветливо и молчаливо: на перроне я заметил всего двух пассажиров, ожидающих поезда, и бродягу, закутанного в пальто. Само здание вокзала было частично разрушено, при этом сохранившаяся часть выглядела заброшенной. Арки и колонны безмолвно наблюдали за только что прибывшими, невысокие башни старались держаться с достоинством, но время и отсутствие должного ухода сделали их невзрачными и угрюмыми. Когда я проходил мимо бродяги, он лишь взглянул на меня мутными глазами и ничего не сказал. Я поспешил пройти сквозь здание и оказался на улице. Бэкуотер встретил меня ветреной погодой. В это время года в здешних местах часто случаются

сильнейшие грозы и даже ураганы. Я решил не ждать автобус и добраться до места назначения пешком, хоть это и удлинит мой путь на несколько часов. Мне часто придется бывать в городе, поэтому я хотел как можно точнее изучить пеший маршрут.

Вокзал находился на самой окраине города, поэтому я прошел по нескольким непримечательным улицам, пересек шоссе и двинулся на восток через поля. Я решил, что осмотрю город позже, а сейчас я был слишком утомлен долгой дорогой. Я успел понять лишь, что Бэкуотер стоял на холмистой местности: уже с окраины я разглядел участки города, возвышающиеся над своими соседями, многие дома были косыми, расположенными прямо на склонах вдоль главной дороги, петляющей и исчезающей за ближайшими возвышенностями. Я поежился от ветра, который настиг меня в полях, и поплотнее закутался в плащ. После высоток Лондона мне было непривычно находиться на таком открытом пространстве. Я видел на мили вокруг, здесь было свободно и спокойно. Я пробирался через густую траву и сорняки, чувствуя свежие запахи поля, земли и приближающейся грозы. Наплывающие темные облака выделялись на фоне голубого неба, которого становилось все меньше и меньше, они накатывались волной, необъятной и мощной, поглощая все пространство вокруг, прижимаясь все ниже и ниже к земле. Приблизительно через два часа я добрался до реки, вдоль которой мне следовало двигаться на юг до старого моста. Ветер немного успокоился, но облака по-прежнему были темно-синими, дождь вот-вот должен был хлынуть стеной, но все никак не начинался, будто усыпляя внимание, чтобы позже ошеломить своей силой и внезапностью. Мне нравилось подобное состояние природы. Я шел вдоль берега и смотрел на беспокойные волны. На пути мне попала брошенная рыбацкая деревня с почерневшими кривыми домами, некоторые из которых были на половину утоплены. В воде угадывались остатки причала и рассыпавшихся прибрежных построек. Эта картина произвела на меня впечатление, поэтому я не сразу двинулся дальше.

Вскоре я добрался до разрушенного моста, о котором уже упоминал. Мои владения находились в сотне шагах за ним. В этом месте из земли торчало несколько мертвых, иссохших деревьев, что было необычно для околородной растительности. Будто сама почва здесь была отравлена. Несколько птиц безмолвно пролетели над водой и уселись на обломки моста. Мне сообщили, что мост давно планировалось отстроить и проложить через него шоссе, соединяющее Бэкуотер и Дэдстоун, но денег на строительство так и не выделили. Под вопросом также была установка линий электропередачи новой конструкции на восточном берегу и заселение территории. Я желал, чтобы вопрос с трассой не решился еще долгие годы, и меня оставили в покое до самой смерти. Я вполне мог рассчитывать на подобное стечение обстоятельств. Я поднялся на невысокую песчаную насыпь и увидел свой дом. Участок сильно зарос колючими и вьющимися растениями, а сама постройка между этих шупалец и петель была словно скрыта в тенях. Более ничего примечательного на первый взгляд я не обнаружил. Я отпер дверь ключом и вошел в пустой дом.

Теперь я снова мог вести дневник, когда назойливый посторонний шум с улицы или из соседних комнат более не отвлекает меня. Первые несколько дней на новом месте я бесцельно бродил по окрестностям, наслаждаясь полной тишиной вокруг, и, кажется, даже негромко напевал мелодии, что совершенно не свойственно мне. Впрочем, мелодии были не самого веселого характера. На многие мили вокруг моих владений не было ни одного поселения. На востоке участок граничил с глубоководной рекой, на западе – с редким сосновым лесом, плавно переходящим в непроходимые трясинные болота. У меня были сведения, что за небольшим оврагом располагается дом постройки семидесятых годов восемнадцатого века, но он либо был пуст, либо обитатель его так же не любил общество, как и я сам.

Все для меня здесь было непривычно и удивительно. Я тщательно исследовал свой берег реки, пройдя несколько миль вверх и вниз по течению, осмотрел овраги, по дну которых бежали узкие притоки, прошел по лесным тропам, усеянным валунами в два человеческих

роста. Болота в этих местах были дикие, совсем не такие, какими их знаете вы. Это были не просто участки воды, окруженные деревьями, с привычными аиром и камышами. Высушенные сосны стояли прямо посреди воды – ветвистые шесты в мутной трясине. Из-за этого казалось, что под ногами твердь с необычным покровом и растительностью, но стоило сделать лишь шаг – и ты провалишься на самое дно. Растения, которые обычно едва достают до коленей, здесь возвышаются над тобой, закрывают путь плотной стеной.

Лишь однажды за время своих прогулок я встретил в этих местах человека. Ранним утром я брел по песчаному берегу реки, погруженный в свои далекие, уводящие в глубины сознания мысли. Из тумана появился темный силуэт, который я сперва вовсе не заметил, а позже принял за небольшое животное. Забредший сюда по случайности, рыбак окликнул меня и хотел, по всей видимости, узнать дорогу, но я сделал вид, что не услышал его, и поспешил скрыться за темными стволами прибрежных деревьев.

Я делал записи и наброски того, что видел, а потом переносил в дневник. Место, которое я выбрал своим новым домом было по истине пугающим и прекрасным. Страницы пополнились зарисовками черных болот, притягивающих взгляд и разум, необычных и зловещих ландшафтов, окружавших мою землю. Иногда я останавливался в болотах, посреди пути, и подолгу наблюдал за жизнью сумеречного мира, всякий раз теряя момент, когда наблюдение переходило в поток мыслей и фантастических образов в моей голове. Так я мог стоять на хлипкой тропе часами, будто в забвении, ожидая прихода непроглядной ночи. Однажды в состоянии именно такой крайней задумчивости я сделал необычную зарисовку: разрушенный мост, словно живой, выглядывал из воды, а обломанные перила длинными руками тянулись к берегу. Рисунок вышел настолько естественным, что вовсе не походил на фантазию, а больше напоминал нечеткую старую фотографию.

Темное время суток в этих местах было еще более особенным. Тысячи звезд закручивались в водоворотах вечности, расчерчивали небесную дорогу, уносились в бесконечность темноты. Белая мозаика на черном полотне растягивалась от одного края мира до другого. Бездна притягивала меня, хотелось нырнуть в нее и плыть, пока не достанешь до самого дна. Чтобы остановить головокружение, я отводил взгляд от ночного неба, медленно вдыхал холодный воздух и так же медленно выдыхал. Голова очищалась, становилась легкой. Я закрывал глаза и откидывался на влажную траву. Долго лежать в таком положении не получалось: создавалось четкое ощущение, что медленно проваливаешься в темный колодец и полностью теряешь контроль над своим телом – ощущение, которое выдержит не каждый. Смотришь вниз – здесь тоже звезды, отражаются в черной реке, кажется, что оказался один в глубинах космоса, и безмолвные звезды не могут помочь тебе выбраться.

От прежнего владельца мне достался дом, вполне пригодный для проживания, однако невообразимо холодный. Он был небольшим, но имел множество комнат, некоторые из которых были больше похожи на шкафы или узкие коридоры неясного назначения. Мне сразу стало ясно, что это отнюдь не первоначальная планировка – владелец сам, несколько неумело и как будто второпях, вырезал или вырубал многочисленные помещения, создавая проходвы сквозь стены. Сложно даже вообразить, с какой целью кто-то мог проделать подобную работу. В кухню, к примеру, вели сразу четыре двери, причем две из них соединялись между собой абсолютно беспечно, лишь создавая бесполезные, полностью лишённые освещения переходы лабиринта. Подобные вырезы способствовали проникновению в дом холода даже летними ночами. Следовало позаботиться об этой проблеме до наступления сезона дождей.

Я занял спальню на первом этаже, однако после первой же ночи был вынужден перебраться в одну из двух комнат наверху. Той ночью меня разбудил необычный звук за дверью. Сперва мне показалось, что он пришел из обрывка сна, и его не было на самом деле, однако примерно через минуту, когда я поднялся с кровати, он отчетливо послышался вновь. Я вышел в коридор с фонарем и обследовал первый этаж, открывая одну комнату за другой. Животное

или человек, проникшее в мой дом, двигалось невероятно проворно или перемещалось ходами, о которых я не знал. Всякий раз, когда я слышал звук и заглядывал в помещение, из которого он доносился, неуловимое существо уже успевало ускользнуть. Через некоторое время, когда страх прошел, я понял, что таинственный звук имеет иное происхождение. Причиной ему послужила необычная планировка первого этажа. Многочисленные коридоры и двери случайным образом расположились так, что создавали необычный эффект: любые звуки, произведенные в доме, отчетливо слышались в другом его конце. Вышло, что я бродил по темному дому в поисках себя самого. Шаги и иной шум, который я сам производил, создавали ощущение, будто кто-то перемещается по дому в ночной тишине. Днем, среди множества прочих звуков, я не заметил этого, однако ночью шум предельно громко раздавался в старом доме. Но это открытие нисколько не помогло мне. Теперь каждый раз, когда я во сне переворачивался в постели и вызывал тем самым определенный шум, он моментально раздавался в другой части дома в несколько раз громче. Это мог быть стук двери или скрип досок дубового пола. Утром я собрал вещи и перенес их наверх. На втором этаже помещений было куда меньше, и пугающего эффекта я не заметил.

Во время оформления сделки я был уведомлен о том, что помимо мебели в доме сохранились некоторые личные вещи предыдущего владельца, и что, согласно выданным указаниям, они полностью переходят в мою собственность после оплаты. Я был несколько удивлен этим странным обстоятельством, но все же согласился принять условия.

В незанятой мною комнате на втором этаже обнаружилась художественная мастерская. На мольберте располагалась незаконченная бездарная картина. Она изображала мерзкого вида человека, сидящего спиной к наблюдателю и смотрящего в зеркало, расположенное перед ним. Художнику явно не удалось лицо: оно мало походило на человеческое, контуры были смазаны, а глаза находились не на одном уровне. Мне стало несколько дурно и душно, когда я всмотрелся в картину, поэтому я с отвращением снял ее и убрал подальше. Несколько законченных работ были небрежно свалены в углу рядом с красками и инструментами. На них были изображены неумелые пейзажи, не представляющие никакого интереса, поэтому я не стал подробно рассматривать их.

В кухонном шкафу я обнаружил внушительные запасы курительных смесей самых разных сортов, а также пузырьки с прозрачными жидкостями и бутылки с чуть более мутными. Там были листья производства Индии, Китая, Парагвая, Турции и более экзотических мест. По консистенции и запаху я не смог точно определить, что за вещества находятся в пузырьках. В соседнем шкафу нашлись приспособления, которых хватило бы на целую химическую лабораторию. Колбы самых разных размеров и форм, круглодонные и плоскодонные, с двумя и тремя горловинами, грушевидные и остродонные, мензурки, воронки, стаканы, чашки, пробирки и другие емкости, всевозможные затворы и переходы. Я решил, что владелец дома мог работать химиком в одном из учебных заведений Бэкуотера или сотрудником лаборатории.

Обустройство дома я начал с того, что вынес весь хлам, случайно доставшийся мне, в кладовую. Подвала в доме не было, и это доставляло определенные неудобства. Я попытался определить, какие именно части конструкции дома создают по ночам жуткие звуки, и провел для этого серию экспериментов. Я пробовал стучать по стенам и полу в разных комнатах и отмечал, в каких при этом слышал эхо, пытаясь найти закономерность. Но мне это не удалось. Я попытался закрыть досками наугад некоторые проемы, чтобы создать препятствие необычному распространению звука, но вновь потерпел неудачу. Через несколько дней я оставил затею, рассудив, что это мешает мне не так уж сильно. Ведь я теперь спал наверху, а гостей мне ждать не приходилось. В многочисленных комнатухах, которые находились ближе всего к внешним стенам, я проложил утепляющий материал. Это заняло большую часть времени. Также я тщательно осмотрел весь дом и с помощью все того же утеплителя устранил самые большие щели, которые обнаружил и до которых смог добраться. Результат я ощутил следу-

ющей же ночью. В доме стало несравнимо теплее, и ветер больше не проникал в комнаты и коридоры. Я убрал пыль и паутину, которой на втором этаже обнаружилось намного больше. Казалось, хозяин дома пользовался только первым этажом, долгие годы не поднимаясь наверх. Единственным более или менее чистым местом на втором этаже была художественная мастерская. Этому явлению достойного объяснения я не нашел.

Имея склонность к несколько маниакальной точности и аккуратности, я решил озаботиться не только благоустройством дома, но и самой земли, хотя и не видел в этом особой нужды. Я отыскал среди инструментов тесак и отправился в сад. Со стороны реки сплетения растений выглядели совершенно похожими на джунгли или лесную чащу. Уже через несколько минут мне пришлось вернуться в дом, чтобы накинуть плащ – мои руки были исцарапаны от косяшек пальцев до плеча. В саду в необычайном количестве плодились колючие растения. Я продирался сквозь можжевельник, кусты малины, остролист. Бесчисленные сорняки цепляли меня за ноги. На дикой яблоне я с отвращением обнаружил так называемую "ржавчину" – грибок, который процветает на спелых плодах. Мерзкие коричневые отростки, похожие на червей, покрыли яблоки, готовясь разнести свои споры на километры вокруг. Мне попадалось и множество ядовитых грибов. Я рубил кольца и переплетения вьющихся растений под самый корень или вовсе выдергивал их из земли. Они, словно капилляры, пронизывали весь сад от насыпи до самого дома. Потревоженные насекомые спускались с ветвей и выбирались из своих нор. Я случайно наступил на нескольких жуков, которые с легким щелчком лопнули под ногами. Пот градом стекал с меня уже после нескольких минут интенсивной вырубки. Я выходил в сад рано утром и заканчивал уже в сумерках, прерываясь лишь пообедать или выпить воды.

Потребовалось несколько дней тяжелейшей работы, прежде чем результат стал заметен. Сад поредел, оставив лишь яблони и некоторые безобидные кусты. Стало намного свободнее, теперь я мог увидеть из окон берег реки. Вырубленные растения я сжег, сложив в несколько высоченных стогов.

Далее я решил положить деревянный настил на некоторые чуть углубленные участки с другой стороны дома. В них собиралась дождевая вода, образуя неприятные канавы и глубокие лужи при выходе в лес. Бревна я нарубил из живых крепких сосен с опушки. Мне не доставало еще двух-трех деревьев, чтобы окончательно закрыть канавы, и я направился за ними к южному концу своего участка. Там я обнаружил старый колодец, укрытый тенью сосен.

Отверстие колодца имело стандартную круглую форму. Мое внимание привлекла толстая металлическая заслонка, накрывавшая его. При внимательном изучении я осознал, что мне не под силу сдвинуть ее без помощи. На краю металла я обнаружил выщербленную надпись на древнеанглийском языке, что еще больше удивило меня. Я тщательно перенес все знаки в свой блокнот. Надпись пробудила во мне сильнейшее любопытство, и я начал искать способ заглянуть внутрь.

Когда настил был закончен, мне пришлось заняться установкой капканов от диких животных. Я не встречал пока что ни одного, но последние несколько ночей будто бы слышал вой с южной стороны и треск веток в лесу. После первого случая я в одном халате подошел к окну и наблюдал за местностью, подернутой дымкой. Бледная луна висела над черной полосой леса, вдалеке ухала сова. Из окна я мог видеть всю южную сторону и небольшой участок реки за насыпью на юго-востоке. Вой повторился через несколько минут, но расстояние до животного определить было непросто. Ночной холод заставил меня задрожать, поэтому я закрыл окно и лег обратно в постель. Я хотел знать, если звери бродят ночью недалеко от дома. В этом случае придется усилить меры безопасности и в целом быть осторожнее.

Через два дня, разбираясь в одной из пыльных кладовых дома, я нашел нечто, напоминающее обломок то ли трубы, то ли садового инструмента. Я воспользовался железным прутком как рычагом, чтобы открыть колодец. Нечеловеческим усилием сдвинув наконец крышку, я заглянул в кромешную тьму.

Несколько секунд я просто вглядывался во мрак, а затем внезапно почувствовал озноб, ощутил всем телом приближение чего-то страшного, поднимающегося из глубины, мысли мои помутились, а голова наполнилась непреодолимой тяжестью. Я невольно отпрянул от края колодца. Успокоив сбившееся дыхание и уняв приступ паники, я вновь заглянул внутрь. Не было и речи о том, чтобы увидеть дно. Мох и отвратительные скользкие наросты покрывали стены колодца, а между ними копошились потревоженные черви и насекомые. Я не почувствовал запаха даже затхлой, гнилой воды – по всей видимости, колодец давно пересох. Необходимо было спуститься вниз, чтобы узнать причину осушения. Я надеялся, что смогу решить проблему, немного углубив колодец и очистив его.

Но на время мне пришлось оставить эту идею – необходимо было найти подходящее снаряжение для спуска. В доме не имелось достаточно прочной веревки, чтобы выдержать вес моего тела. А пока я продолжил свои прогулки по окрестностям. Одна из вылазок на болота едва не закончилась моей смертью.

Я зашел в доселе незнакомую мне местность. По пути я размышлял над тем, как безопаснее всего спуститься в колодец и кому могло понадобиться накрывать его такой тяжелой крышкой. Впав в состояние глубочайшей задумчивости, я перестал следить за дорогой и потерял тропу. В реальность меня вернул крик некоего животного, которое я по неосторожности принял за кочку. Я огляделся. Над водой поднимались зловонные болотные испарения, закрывая обзор. Я сделал несколько десятков шагов в обратном направлении по нетвердой почве в надежде узнать, знакомые очертания болот или формы деревьев, но вскоре стало ясно, что я зашел слишком далеко. Я даже не мог сказать, сколько именно времени прошло, прежде чем я оказался здесь, сколько я прошел в таком отреченном состоянии. Возможно, знакомая тропа была совсем рядом. Возможно, я зашел в топь на несколько миль, окончательно потеряв направления и ориентиры.

Я стоял на небольшом холмике и откровенно не знал, что делать. Я вновь допустил ошибку, которая и завела меня сюда: задумавшись над ситуацией и вернувшись в сознание через несколько минут, я теперь не мог сказать, с какой стороны пришел на эту самую болотную кочку. Разозлившись сам на себя, я со всей силы бросил камень в подрагивающую воду. Ряса немного расползлась, открывая серую жидкость, а затем вновь сомкнулась, со всех сторон послышался шорох от встревоженных животных. Я одновременно чувствовал все нарастающую опасность и панику, но и осознавал, как это глупо – ведь я взрослый человек, а не ребенок, заплутавший в лесу по пути домой. Стволы гибких, еще живых деревьев плотно переплетались между собой, не пропуская меня и цепляясь ветвями за одежду, мертвые поваленные стволы впивались мне в ноги и плечи сухими сучьями, мерзкая паутина облепляла волосы и рот, я чувствовал на губах ее привкус даже после того, как смахивал с лица. В болотных сумерках растения создавали оптические иллюзии. Несколько раз мне казалось, что я вижу нечто похожее на дом или забор. Я начинал продираться сквозь кустарники и тростники к этому месту, не обращая внимания ни на что вокруг, но лишь только еще сильнее усугублял свое положение необдуманными действиями. Постройки, которые я замечал, оказывались всего лишь хитрым соединением ветвей и тумана. Все эти поступки были вызваны психологическим дискомфортом и чувством страха, который я испытывал. Мне повезло, что я пока еще не провалился в самую топь. Я знал, что самым опасным местом на болотах считаются травянистые участки с повышенной растительностью – обычно под ними скрывается самая глубокая часть водоема. До сих пор мне удавалось избежать падения в затхлую воду.

Вскоре мне показалось, будто я увидел мерцание далекого красного фонаря. Болота восхищали меня, но сейчас я был по-настоящему напуган. Все же я решил, что свет может исходить из некоего жилища, что предполагало выход на твердую землю и дорогу, поэтому я двинулся в его направлении. Вопреки страшным сказкам, которые мне рассказывали в детстве, я

чаще слышал о людях, заплутавших в болотах и неделями бродивших по ним, чем о тех, кто утонул, завязну в трясине.

Еще несколько шагов вперед. Теперь я отчетливо видел то зажигающееся, то гаснущее ярко-красное свечение. Оно было похоже на маяк, указывающий верный путь сквозь ночь. Я мог бы попробовать вернуться на тропу по своим следам, но продолжал идти на мигающий свет, полностью доверившись ему. Это оказалось страшной ошибкой. Стоило мне на мгновение отвернуться, как я потерял фонарь из виду. Через несколько минут я вновь увидел его, но теперь он горел с другой стороны. Я полностью потерял ориентацию в пространстве, не мог доверять ни глазам, ни своему чутью. Дьявольское свечение завело меня, казалось, в самое сердце болот, откуда не мог вырваться даже луч света. Неподвижная хлябь была не такой мертвой, как казалась на первый взгляд. Отовсюду за мной наблюдали глаза: жабы, змеи, бесшумные ночные птицы. Ночь еще не наступила, но я уже еле различал пальцы на вытянутой руке – так изогнутые над водой деревья сгущали мрак.

Я принял верное решение, когда сел на клочок сухой земли и решил переждать темное время суток здесь, не пытаясь выбраться. Через час или два местность наполнилась звуками ночной жизни: в непосредственной близости от меня слышались всплески, шипение, стрекотание и еще сотни языков, на которых обитатели болот общались между собой. Порой мне казалось, что слева доносится залиvistый хохот, а один раз почудилось, будто высокая тень проскользнула на другом берегу. Я как можно ниже прижался к земле и всмотрелся в плотную темноту, но повторного движения не увидел. Окружающие растения казались мне угрожающими своими очертаниями. Я внимательно наблюдал, не появится ли вновь таинственный красный свет, но видел лишь вязкую черноту. Я продрог, и зубы мои стучали от холода, но я не осмелился достать имеющиеся у меня спички и зажечь огонь. Я полагал, что при таком уровне адреналина в крови и пробирающем холоде, уснуть абсолютно невозможно. Но через некоторое время я адаптировался к обстановке, и усталость, накопившаяся за день, вынудила меня закрыть глаза на несколько минут и впасть в состояние полусна. Однако пронзительный крик одной из болотных птиц заставил меня проснуться. Мне пришлось сесть, а затем некоторое время походить на небольшом клочке сухой земли, чтобы вновь не впасть в забытие и несколько согреться. Так прошли долгие часы, а затем наступил спасительный рассвет.

Я бродил по округе, запоминая пройденный путь и оставляя для себя метки. Утром искать дорогу и знакомые места было в несколько раз легче. Через некоторое время я вышел на более плотную дорогу, а затем попал в знакомый мне сосновый лес. К реке я вышел в четырех милях выше по течению и оттуда уже без труда добрался до своего жилища.

Настало время пополнить продовольственные и хозяйственные запасы, поэтому я добрался до Бэкуотера. В этот раз я выбрал несколько иной путь до города, чтобы еще лучше изучить окрестности. Я пошел не через поля, которые вели сразу к железнодорожной станции, а через холмы вышел к автобусной остановке, о которой уже упоминал. Для пешего путника этот маршрут был несколько длиннее, но я никуда не спешил. Тем более, что в ложбине между двумя холмами открывался замечательный вид. Я остановился и сделал несколько зарисовок в блокноте. Вначале путника ждал пологий подъем, который приводил на перевал, а дальше довольно крутой спуск по горной тропе. Слева и справа протекали ручьи, настолько узкие, что не составляло труда перешагнуть через них. Они сплетались в причудливой формы ленты и заполняли оба склона по краям дороги. На левом склоне я заметил небольшую пещеру, вход в которую частично зарос колючим вьющимся растением, вид которого я не смог определить на таком расстоянии. Пещера выделялась на фоне склона более темным цветом, а ее очертания в камне были отчетливо видны. От остановки я шел вдоль дороги по прямой. Дождаться автобуса не имело смысла – он проходил здесь всего два или три раза в день.

В городе я без труда нашел лавку, в которой приобрел достаточно прочную, чтобы выдержать мой вес, веревку. Лавка располагалась на самой окраине города, поэтому мне не пришлось долго бродить по улицам в ее поисках.

Я не забыл зайти в библиотеку, чтобы перевести надпись с древнеанглийского языка, найденную на крышке колодца. Здание находилось тут же, в нескольких кварталах от лавки. Оно выглядело много старше, чем постройки, окружавшие ее, и будто сжалось между зданиями повыше, которые нависли над ней слева и справа. Сперва я прошел мимо библиотеки, приняв ее за склад или пристройку. Внутри – идеальный порядок, книги были старательно разложены по полкам, за ними явно ухаживали и следили. Здесь царил полумрак, а само помещение представляло собой длинный коридор с кирпичными арками. Шкафы располагались по бокам. Смотритель, мужчина лет за пятьдесят, с нескрываемым любопытством выглянул из своей комнатухи, когда я вошел. Я спросил, где находится секция со словарями, и двинулся в указанном направлении. Вначале он тихо следовал за мной, но когда я случайно встретился с ним взглядом, доставая нужный том, он начал интересоваться, для чего мне понадобилась подобная книга. Я как мог избегал досаждающих вопросов, бормотал себе под нос и пытался отойти подальше от назойливого служителя. Я сел за дубовый стол и приступил к изучению символов. Перевести надпись оказалось сложнее, чем мне это представлялось в начале. Я быстро нашел перевод всех слов по отдельности, но вместе все они никак не складывались в единое предложение. Некоторые из слов имели несколько значений или обозначали слишком расплывчатое и неточное понятие. Почти два часа провел я, склонившись над книгой, прежде чем разобрал суть написанного. «То, что ты знаешь – ограничено, а что не знаешь – бесконечно», – такой был смысл написанного.

Когда я возвращался из города, небо начало темнеть и уже через несколько минут стало абсолютно черным. Три дня, не переставая, лил тяжелый дождь, природа неистовствовала. Я видел, как буря ломала сухие сосны, поднимала черные стволы вверх и уносила в неизвестном направлении. Одна из ветвей разбила окно в гостиной, и бешеный ветер успел смести все, пока я не закрыл брешь старыми досками. Ночью вспышки молний слепили глаза и не давали уснуть, гром раздавался, казалось, внутри головы, а не за окном. Сад за окном то был окутан непроницаемым мраком, то озарялся ослепляющими молниями. С каждой вспышкой я замечал новые силуэты. Ветки деревьев и кустарников сплетались в причудливые фигуры, пугающие и поражающие воображение. В белых всполохах я видел людей, застывших в разнообразных позах, предметы и явления, которых здесь быть не могло.

На второй день грозы мне показалось, что начался мелкий град – таким сильным был стук по стеклу. Я подошел к окну и внимательно пригляделся, молния осветила двор, и я в ужасе попятился и осел на пол – с другой стороны стекла на меня смотрело мертвенное лицо в капюшоне. Лишь через минуту я осознал, что произошло, и поспешил открыть входную дверь. Как только я поднял засов, в дом ввалился человек, невероятно худой и высокий, кожа плотно обтягивала его лицо, он был молод, не больше двадцати шести лет. В глазах читалась некоторая болезненность, однако движения его были уверенными и спокойными. Вода струями стекала с его черного плаща, смешиваясь с грязью, налипшей на высокие сапоги. Под сопротивлением ветра он закрыл дверь и обернулся ко мне: «Меня зовут Аллен. Я живу в старом доме за оврагом. Позвольте я объясню, почему вломился к вам». Он повесил плащ в коридоре и снял обувь. При худобе лица он оказался довольно хорошо сложен. Я сделал вывод, что он проходил военную подготовку или даже принимал непосредственное участие в боевых действиях. Из его рассказа следовало, что он решил добраться до города, когда буря немного утихла, но шторм разразился с новой силой и полностью затопил овраг. Аллен побоялся искать обходной путь в темноте, и решил зайти ко мне, так как часто в последнее время видел свет в моем доме. К счастью, он не пытался навязать разговор, лишь попросил стул, на котором он сможет дожидаться утра – от дивана он отказался.

Я находился в некотором замешательстве. Следовало ли мне подняться к себе или остаться сидеть с ним? Я уже был не рад, что впустил его, но что мне оставалось делать – он совершенно точно знал, что я нахожусь дома. Не мог же я просто не открыть дверь. Я не хотел оставлять его здесь одного, но и сидеть с ним всю ночь не собирался. Ситуацию осложняла подозрительная молчаливость Аллена. Я сам был неразговорчив, но не в такой степени. Его пристальный взгляд с каждой минутой казался все подозрительней. Неужели он ждал, когда я уйду? Я пытался смотреть в окно, но боковым зрением постоянно видел, как он, абсолютно не шевелясь, смотрит прямо на меня. Наконец я решил, что чрезмерно волнуюсь и поднялся в свою комнату. Я лежал пытался расслышать в ночной тишине какой-нибудь шум, доносящийся снизу, но в доме было мертвенно тихо. Это должно было немного меня успокоить, но на деле лишь добавило сомнений и заставило нервничать еще больше. Я вновь попытался отвлечься от тревожных мыслей, но через некоторое время чувство скрытой подозрительности заставило меня вновь спуститься к ночному гостю. Я не смог бы уснуть, зная, что в доме находится незнакомый мне человек, к тому же со столь угрюмым поведением и характером. Тем более, что я не до конца поверил в его историю, – я не помнил, чтобы буря затихала хоть на минуту за последние сутки. В какой же тогда момент он решил выбраться в город? И все же попросить его уйти я не мог, теперь уже из чувства страха перед его реакцией.

Я спустился и сел в кресло напротив Аллена. Он по-прежнему не пытался заговорить, лишь смотрел на меня или в окно. Кажется, он сам понимал, что пугает меня. Дождь за окном пошел со страшной силой, крупные капли дробью обрушивались на стекло. Теперь вместо фигур за окном я видел лишь смутные тени и самые общие очертания ландшафта. Вспышки молний не освещали сад, а только погружали его в белое марево, будто дым окутал все вокруг. Обычно, мне хорошо спится в такую погоду, но сейчас я был возбужден, словно пробежал несколько километров. Один раз Аллен не смог сохранить спокойствие на невозмутимом лице. Я встал, чтобы пройтись и немного размять ноги, и тут же в комнате на другом конце дома раздался неопределенный шум, частично заглушенный бурей, но достаточно отчетливый. Мой гость резко обернулся, а затем посмотрел на меня и спросил, есть ли кто-то еще в доме. Я объяснил ему хитрую систему, которая создавала неприятное ощущение присутствия. Я сразу понял, что Аллен не поверил мне. Он повернулся на кресле в пол оборота. Надо думать, чтобы следить за происходящим в коридоре, его глаза начали настороженно и даже с некоторым беспокойством обшаривать комнату. Я почувствовал себя увереннее. Казалось, будто мы поменялись с ним ролями. Раньше у меня создавалось впечатление, что я впустил к себе в дом маньяка. Теперь же он чувствовал, что оказался в доме, в котором творится нечто странное. С этого момента напряжение в комнате стало предельным.

Так мы и просидели до самого рассвета, не сказав друг другу больше ни слова. А затем он поднялся, пожал мне руку и вышел из дома. Гроза еще продолжалась, но при дневном свете он мог обойти овраг по болотистой местности.

Дождь закончился также внезапно, как и начался. Я выждал несколько дней, пока сохнет почва и начал готовиться к спуску в колодец. Я не боялся спускаться в него – нахлынувший на меня в первый раз страх был не более чем игрой большого воображения, я это понимал. Боялся я того, что, спустившись, мне не хватит сил выбраться обратно. Я представил, как в изнеможении зову на помощь, как мое тело от голода начинает медленно пожирать само себя. Несколько дней я потратил, чтобы разобраться с хитроумными узлами и научиться крепко вязать их. Наконец я решился.

Веревка была закреплена за прочную сосну, я натянул ее, удобнее перехватил фонарь и начал спускаться. Стены колодца оказались сильно выщерблены, поэтому ноги не скользили. Я делал шаги осторожно, стараясь не наступить в мерзкую живность, скрывающуюся в мхе и побегах, всякий раз подсвечивая выступы фонарем. Я спустился уже футов на восемьдесят, мышцы становились твердыми и неподатливыми. Я пытался разглядеть дно в электрическом

свете фонаря, но раз за разом мне это не удавалось. Осторожный шаг, еще, еще. Какого же было мое изумление, когда веревка закончилась, а я так и не смог достать дна. Теперь у меня не было возможности передохнуть и расслабить мышцы рук, я поочередно давал им отдохнуть, удерживая фонарь и веревку второй рукой, но времени оставалось все меньше – необходимо было сейчас же ползти вверх. Я бросил фонарь, в смятении даже не посмотрев, как долго он будет падать. Руки были словно чужие, зажмурившись, я по инерции подтягивался, зная: если хоть на секунду остановлюсь, то уже не смогу продолжить путь. Веревка обжигала ладонь. Наконец я уцепился пальцами за холодный камень и, подтянув в последний раз свое тело, перевалился за край.

Я лежал на спине, а ладони опустил на прохладную траву, серые неподвижные облака плыли надо мной. Сам дьявол потащил меня в эту яму. Второй раз за осень я чуть не погиб, но уже тогда навязчивая идея поселилась у меня в голове – я захотел во что бы то ни стало узнать, как глубока чертова нора.

Тем не менее, дальнейшие действия мне пришлось отложить почти до середины весны. Пасмурным ноябрьским утром я проснулся и увидел за окном ключья мокрого снега, что несколько смешало мои планы. Зимой я был занят судебным процессом, детали которого я не хотел бы разглашать на этих страницах, но смею вас заверить – ничего ужасного я не совершил. Скажу лишь, что мой отъезд из Лондона был отчасти связан с этим запутанным делом. Мне пришлось несколько раз съездить в столицу, чтобы присутствовать на судебных заседаниях. В середине февраля дело завершилось моей победой, впрочем, у меня не было никаких сомнений в подобном исходе.

Я отправился в город, чтобы заказать на заводе лестницу специальной конструкции. Я полагал, что по ней можно будет безопасно спуститься вниз. Впервые мне удалось осмотреть город – предприятие располагалось на другой стороне, поэтому добираться до него пришлось по десяткам улиц и улочек, по мостам и через тоннели. В центре располагались несколько правительственных зданий, суд и множество пабов. Постройки теснились, будто нависали друг над другом, оставляя для проулков между ними не больше ярда. Здесь преобладали трехэтажные дома. Здания под светом осеннего дождливого неба приобретали серо-голубой оттенок, мостовые были усыпаны красными и бурыми листьями. Не было почти никаких звуков, кроме завываний ветра. Я услышал, как бьют часы на башне. У меня вдруг возникло тревожное ощущение, что они не отбивают час, а отсчитывают оставшееся время. Черные силуэты птиц закружились и закричали над замолкшей башней. Я на минуту закрыл глаза, чтобы освободиться от неприятного чувства. Городок был наводнен мелкими магазинчиками и лавками. Одна из таких лавчонок на главной улице привлекла мое внимание, точнее, внимание привлек торговец, а уже после я обратил внимание на товар. Человек за стеклом, уже не молодой, сидел за прилавком и держал в руках нож с необычным лезвием, имеющим множественные зубрины различного размера. Я заметил недобрый блеск в глазах старика. Он был полностью поглощен работой и не замечал меня. С краю от прилавка, в тени, стояли еще люди, по всей видимости, смотрели за работой мастера. Когда я вошел, он лишь мельком взглянул на меня и продолжил свое дело. Я подошел ближе. Торговец вырезал из дерева небольшую фигурку. Это было изображение существа, самого необычного из всех, что мне доводилось видеть. Оно было отвратительно толстым и непропорциональным. Огромный живот почти полностью скрывал короткие ноги, руки едва доставали до груди и вместо пальцев имели безобразные отростки. Голова и шея были вроде бы человеческими, но лицо полностью сглаживало это впечатление: у существа не было глаз, носа и ушей, рот был расположен выше, чем у человека, почти в центре головы, и был полностью лишен зубов и губ – лишь черный провал и мерзкий язык. Я с отвращением отстранился и повернулся, ища поддержки у стоящих в углу людей, и вздрогнул от неожиданности. Это были вовсе не люди, а фигуры из дерева, выполненные в человеческий рост, такие же отвратительные и пугающие. Я осмотрелся. Лавка была наполнена статуэтками

самых разных форм и размеров. Их черты были выточены с потрясающей точностью, каждый изгиб был тщательно продуман и исполнен великолепно. Но невероятного вида конечности и лица заставляли думать только о внутреннем уродстве создателя этих идолов. Я поспешил покинуть лавку, старик не обратил на мою реакцию и уход никакого внимания.

Не смотря на обилие общественных заведений, людей на улице было немного, а те, кого я встречал, были глубоко погружены в себя и имели внешность самую невыразительную, в их лицах было привычное осеннее уныние. Сонный город. Сколько таких можно встретить в северной части Англии. Жизнь здесь течет так медленно, что хочется спать, один день в точности похож на другой. Однако я заметил и нечто иное в выражении их лиц и вообще в чертах города. Будто неясная тревога нависла над городом, когда ничего произойти не должно, но все же ты всегда ожидаешь чего-то, всегда чувствуешь далекую угрозу из забытого сна.

Пройдя еще несколько кварталов, я решил узнать дорогу у кого-нибудь из прохожих, но, похоже, пронизывающий ветер разогнал всех жителей по домам. Я прошел через несколько арок, скрытых стволами деревьев, повернул на северо-восток и преодолел еще несколько вытянутых домов. В конце улицы обнаружилась вывеска, которую я искал.

Когда я изложил свою просьбу, меня пригласили пройти внутрь и подождать некоего мистера Форда. С ним я обсудил все детали моего необычного заказа и сроки изготовления. Форд хотел узнать, для чего мне требуется лестница подобной конструкции, но видя мое явное нежелание разглашать детали, оставил свои расспросы. Он сразу понял, что я не местный. Мы немного поговорили о городе и людях, населяющих его, я рассказал ему о своей жизни в Лондоне. Я с сожалением заметил, что непогода за окном перерастает в настоящий шторм и расспросил инженера о возможностях для ночлега. Он указал на карте несколько гостиниц, расположенных по большей части в центре города, и отметил лучшие, на его взгляд. Я поблагодарил Форда и отправился в центр. Дождь перерастал в настоящий ливень, усиливаясь с каждой минутой.

Я искал гостиницу "Старый вяз". Я запросил номер на одного и заполнил карточку у стойки, указав имя и место проживания. Номер на третьем этаже был прибран, однако его ни в коем случае нельзя было назвать уютным или комфортным. Комната была оформлена в серых тонах, но при этом на полу обнаружился ковер нелепой яркой расцветки. Расстояние между кроватью и стеной было невообразимо узким. Я хотел передвинуть кровать, но она оказалась прикручена к полу, как и вся остальная мебель в помещении, даже кружка крепилась к столу на цепочке. Меня неприятно удивило еще одно обстоятельство: по неизвестной причине смежная дверь в соседний номер располагалась в моей ванной комнате. Это не имело особого значения, ведь я не собирался принимать здесь душ, но выглядело довольно странно и наводило на неприятные мысли. На стенах возле труб виднелись пятна грязных потеков, в некоторых местах перераставших в плесневые очаги, обои съеживались полосами от многократных затоплений с верхнего этажа. В довершении всего этого беспорядка стена соседнего здания была расположена так близко к окну, что я мог бы дотянуться до нее, не прилагая никаких усилий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.